

ПРОЛОГ

БОЛЕЗНЬ

Мальчик смотрел на мир, сошедший с ума. Позади него вздымался безрадостный белый склон горы, которая служила пристанищем приюту для сумасшедших под названием «Конец дороги»; вершина ее с вечными ледниками терялась в серых облаках, укрывших небо. Впереди мальчик видел человека из своей деревни, который последним поддался когтям безумия.

Мужчина был весь в грязи, едва одет и исцарапан с головы до пят. Он бился в припадке среди грязной травы, там, где раньше простирались поля общины, пытаясь поймать в воздухе над собой нечто невидимое. Глаза у него вылезли из орбит и побелели, как будто он увидел рой преследующих его призраков. Из израненного горла то и дело вырывались грубые, хриплые вскрики. Затем, словно подстегнутый чем-то невидимым, мужчина вскочил на ноги и помчался прочь; он бежал, как одержимый, спотыкаясь и вновь поднимаясь, дико размахивая на ходу руками.

Мальчик оторвал, наконец, взгляд от этого зрелища и в слезах оглянулся на ледяную гору. Множество сумасшедших уже находилось там, забив приют под завязку, — новых жильцов туда не принимали уже около недели, оставив их блуждать по улицам и ввязываться в драки с другими такими же безумцами.

Он не ел уже два дня. А не спал — все три, по крайней мере спокойно спать у него не получалось. Он перестал горевать о своих родителях, о брате и начал беспокоиться о том, как ему дальше жить. Он старался не думать...

«Теперь ты мой...»

Мальчик подпрыгнул, оглядываясь вокруг в поисках источника звука. Кто-то разговаривал с ним, и голос был удивительно ясным, ничего подобного он раньше не слышал. Однако рядом никого не оказалось.

«Не надо беспокоиться. Проект «Тембес» скоро заработает в полную силу. До тех пор — живи. Это автоматическая запись. Всего доброго».

Мальчик осмотрелся по сторонам, изучая окрестности. Но увидел лишь обгоревшие руины родной деревни — сорняки, пыль и мусор. По разбитой дороге пробежала крыса.

Раздался чей-то крик, но звук донесся откуда-то изда-лека.

Он был один.

Голос звучал у него в голове.

Это началось.

ЧАСТЬ I

НЕЖЕЛАННОЕ
ПОДМИГИВАНИЕ

ГЛАВА 1

ДВА ЛИЦА РЕДЖИНАЛЬДА ЧУ

Мистер Чу ненавидел свое имя. Было в нем что-то злое.

Возможно, безумие так думать — особенно учителю физики — но, шагая по мрачной, пустынной улице, он почувствовал от этой мысли тяжесть в животе, будто там образовался камень весом сорок фунтов. Это ощущение преследовало его с самого детства — странное беспокойство всякий раз, когда кто-то произносил его имя. Словно внутри у него открывалась черная яма с гниющей пищей, которая никак не могла перевариться.

— Мистер Чу!

Резкий женский голос оторвал его от мыслей. В груди сперло дыхание, легкие будто склеились, отчего мистер Чу долго кашлял, пока снова не смог вдохнуть. Подняв голову, он с облегчением увидел, что это всего лишь миссис Теннисон, высунувшаяся из верхнего окна —

несомненно, чтобы шпионить за соседями, — в весьма причудливом виде. Ее волосы стягивали десятки тугих бигуди, а лицо покрывала отвратительного вида мазь, похожая на зеленую слизь.

Мистер Чу сделал еще один глубокий, успокаивающий вдох, смутившись от того, что так легко поддался испугу.

— Здравствуйте, миссис Теннисон, — обратился он к ней. — Хорошая погода этой ночью, не правда ли?

— Да, — ответила она неуверенно, словно подозревая, что у него какие-то проблемы. — Почему, м-м-м... почему вы так припозднились? И так далеко от дома? Может, вы не откажетесь зайти на чашечку чая? — Она попыталась изобразить на лице соблазнительную улыбку, но это скорее смахивало на гримасу спятившего клоуна, которого мучают кишечные колики.

Мистер Чу содрогнулся. Он предпочел бы выпить чашечку жидкой грязи с Джеком Потрошителем, чем провести хоть одну минуту в доме миссис Теннисон, слушая ее непрекращающуюся болтовню о городских сплетнях.

— О, не стоит, я просто прогуливаюсь, чтобы снять стресс, — выдавил мистер Чу наконец. — Наслаждаюсь ночной прохладой. — С этими словами он двинулся дальше, радуясь, что может повернуться к миссис Теннисон спиной.

— Что ж, будьте осторожны! — крикнула она ему вслед. — Говорят, на городской площади орудуют какие-то головорезы, которые нападают, грабят и все такое.

— Не волнуйтесь, — ответил он, не потрудившись оглянуться. — Я буду настороже.

Он ускорил шаг, свернул за угол и, расслабившись, пошел уже спокойной походкой. Мысли снова обратились

к тому неестественному страху, который внушало ему собственное имя. Имя, которое он при малейшей возможности избегал произносить. Именно по этой причине любому встречному он всегда представлялся как «мистер Чу».

Уже больше двадцати лет мистер Чу преподавал научные дисциплины в средней школе Джексона, что в Дир-Парке, штат Вашингтон, и все это время к нему обращались только так. У него не было ни жены, ни детей, родители давно умерли, а братья и сестры находились далеко, в тысяче миль отсюда, — никто рядом не называл его ласковее, чем этими двумя одинокими, ледяными словами. Даже другие учителя в основном обращались к нему официально, словно не осмеливаясь перейти к более дружеским отношениям. Как будто они его боялись. Но все же это лучше, чем возможная альтернатива.

Лучше, чем то самое слово, которое мистер Чу презирал.

Реджинальд.

Вытирая со лба пот, он вспомнил об инциденте, случившемся несколько месяцев назад, когда знакомая учительница, заглянув в класс, чтобы уточнить некий вопрос, вслух произнесла столь редко звучащее имя «Реджинальд». В тот день после занятий остался один ученик, и выражение, которое появилось на его лице, когда он услышал имя мистера Чу, было столь тревожным, будто паренек подумал, что мистер Чу крадет детишек прямо из их кроватей и продает работоторговцам.

Тот взгляд глубоко ранил мистера Чу. Эта гримаса страха лишь укрепила то, что раньше он считал иррациональной блажью, — затянувшееся детское суеверие, что его имя несет в себе некое зло. Это знание всегда жило в нем, словно дремлющее до поры до време-

ни пламя, ожидающее лишь малейшей искры, чтобы вспыхнуть.

Учеником был Аттикус «Тик» Хиггинботтом, его главный любимец за двадцать лет преподавательской деятельности. Мальчик демонстрировал невероятный ум, острое понимание законов окружающего мира и зрелость мышления, которая выходила далеко за рамки его неполных четырнадцати лет. Мистер Чу ощущал странную связь с Тиком — он радовался тому, что обучает и ведет его к более интересным и масштабным предметам в пленяющих воображение областях науки. Но выражение лица мальчика в тот роковой день отозвалось болью в сердце мистера Чу, столкнув его с обрыва прямо на скользкий и крутой склон депрессии, помноженной на отвращение к самому себе.

Человеку, настолько связанному с точными науками, казалось бы совершенно бессмысленно волноваться из-за такого пустячного происшествия. Это была некое неуловимое ощущение, которое с трудом сочеталось с незыблемыми теоремами и гипотезами, вращающимися вокруг его разума, словно постоянные спутники. Имя, слово, взгляд, выражение. Такие простые вещи, но они каким-то образом изменили его жизнь.

Новый учебный год начался всего лишь несколько дней назад, и теперь, когда мистер Чу шагал домой сквозь ночную тьму, воздух вокруг, казалось, отражал самые глубинные чувства и гнетущие мысли. Вместо того, чтобы немного охладиться, ему стало еще жарче. От удушающей жары дыхание участилось, несмотря на то, что солнце зашло за горизонт еще несколько часов назад. После встречи с миссис Теннисон он больше не замечал на улицах никакого движения — ни людей, ни дуновения ветерка. Единственный звук, сопровождающий мистера Чу во время привычной полуночной про-

гулки, когда сон неуловимо ускользал от него, — глухие удары подошв собственных теннисных туфель. Мистер Чу свернул на небольшую аллею, ведущую к городскому кладбищу, — это был кратчайший путь к дому: жутковатый, но зато захватывающий.

Стояло долгое лето, когда он неделями склонялся в своем кабинете под горящей лампой, изучая страницы всех возможных научных газет и журналов, на которые только мог подписаться. Мистер Чу направил растущую жажду к себе в русло невиданной жажды знаний, его мозг впитывал их, словно чудовищная инопланетная губка. О, как он наслаждался каждой минутой своего безумного научного загула! Это позволяло оставаться в здравом уме, помогало...

Мистер Чу остановился, едва не споткнувшись, когда осознал, что прямо за каменной аркой кладбищенских ворот, скрестив на груди руки, стоит человек, силуэт которого издавлекa вырисовывался в бледном свете уличного фонаря. Он возник, казалось, из ниоткуда, поскольку мистер Чу не заметил никакого движения, прежде чем увидеть незнакомца. Словно вырезанная из черного картона фигура, тот стоял без движения, уставившись куда-то невидимыми глазами, отчего у мистера Чу по рукам пробежали колючие мурашки.

Он встряхнулся и пошел дальше, стараясь не показывать страха. Почему он сегодня так нервничает? У него не было причин считать этого человека бандитом, несмотря на нелепое предупреждение миссис Теннисон. Даже если неподвижная фигура на кладбище окажется плохим парнем, от испуга не будет никакой пользы. Тем не менее мистер Чу немного изменил направление движения, зная, что небольшой лесистый участок между этим местом и городской площадью сможет послужить ему укрытием, если придется бежать и прятаться.

«Прекрати так нелепо себя вести», — мысленно упрекнул он себя. Однако краем глаза продолжал следить за загадочным незнакомцем.

Мистер Чу уже почти достиг усыпанной гравием дорожки, когда припозднившийся гость заговорил мягким шепотом, который тем не менее прозвучал в глубокой ночной тишине, словно звон колокольчиков.

— Куда, по-твоему, ты идешь?

В его голосе была слышна едкая насмешка, и мистер Чу остановился, провалившись сквозь тонкий лед плохих предчувствий в бездну такого неподдельного ужаса, какого ему раньше никогда не доводилось испытывать. Желудок сжался, посылая кислые, протухшие соки в остальные части тела — у него возникло желание согнуться и вытошнить их наружу.

Из лесных зарослей справа вышел еще один человек. В то же самое мгновение кто-то постучал пальцем по правому плечу мистера Чу. Вскрикнув, он развернулся, и его страх перерос в настоящую панику.

На этот раз ему удалось разглядеть лицо — испещренную тенями и искаженную гневом гримасу, созданную словно сплошь из острых углов. Мистер Чу успел заметить какое-то движение, за которым последовала вспышка синего света.

Раздался взрыв, затем вдруг повсюду словно разлилось тепло и электричество, из-за чего он упал на землю и задержался в судорогах. Мистер Чу кричал, пока боль пронзала его тело, молниями танцуя по коже. Постанывая, он поднял глаза и увидел человека, сжимающего в руке какое-то длинное приспособление, на котором все еще потрескивало статическое электричество.

— Надо же, ты выглядишь точь-в-точь, как он, — произнес безымянное лицо.